

Следующие два месяца Линь Можань каждое утро заезжала за Гу Ханьи, обедала с ней, а по вечерам помогала с учебой. Такой настойчивый натиск позволил ей прочно привязать к себе Гу Ханьи и не оставить Фан Чжэньюю ни единого шанса. Подобная тактика дала плоды и в плане уровня симпатии: показатель достиг 90 баллов.

На самом деле, эти 90 баллов набрались еще к концу первого месяца, но в течение следующего, как бы Линь Можань ни старалась, цифра стояла на месте. Тогда она начала всерьез задумываться, не пора ли применить тяжелую артиллерию.

Однако на следующее утро после того, как она долго размышляла, как бы получше признаться в чувствах и перевести их дружбу на качественно новый уровень, она проспала!

Когда она, рыча от досады, спросила у нянечек Чжан, Ван и Ли, почему те не разбудили её, те ответили:

— Барышня, последние два года вы всегда спали, пока сами не просыпались. Если вставали рано — шли на занятия, если не могли встать — не шли.

— Да-да, барышня, последние два месяца вы вставали так пунктуально, что напугали нас с няней Ван. Мы уж думали, вы чем-то расстроены. А сегодня всё как обычно, мы только рады, с чего бы нам вас будить?

Смысл их слов был прост: раньше ты была лентяйкой, последние два месяца вела себя так, будто тебя лягнул осел, а сегодня вдруг пришла в норму — разве это не повод для радости? Зачем же снова наступать на те же грабли?

Линь Можань оставалось лишь проклинать свою предшественницу за нежелание учиться, но толку от этого было мало — ведь сегодня она не приехала за Гу Ханьи! Кто знает, не разозлилась ли та?

Линь Можань с невероятной скоростью умылась, даже не взяла портфель и помчалась в школу. Но... место Гу Ханьи в классе пустовало. Увидев это, Линь Можань застыла, её лицо окаменело. Дело приняло серьезный оборот!

Дисциплинированная Гу Ханьи не пришла на занятия! Это все равно что снег в июне. Молча утерев горькие слезы и проклиная себя сотню раз, Линь Можань снова отправилась в путь — теперь уже к дому Гу Ханьи.

Выйдя из машины, она издалека увидела Гу Ханьи в том самом переулке, где они встречались каждый день. Девушка стояла на привычном месте, вытянувшись по струнке даже у стены, и смотрела прямо перед собой. Линь Можань взглянула на высоко поднявшееся солнце, и у неё внезапно защипало глаза.

— Ии, — Линь Можань робко подошла ближе и неуверенно позвала её по имени.

— Ты пришла, — Гу Хань, не отрывавшая взгляда от горизонта, повернула голову. На её лице не было ни тени эмоций. Как при первой встрече.

— Ии, прости, я... — глядя на неё, Линь Можань запаниковала. Она привыкла, что Гу Хань относится к ней по-особенному — какой бы холодной та ни была с остальными, с ней она всегда была мягкой.

Но теперь на лице Гу Хань не было того теплого и нежного выражения, которое появилось за два месяца их общения. К ней вернулось то ледяное безразличие, которым она отгораживалась от всего мира при их первой встрече.

— Больше не нужно за мной заезжать, — сказала она и, развернувшись, ушла.

— Я... Ии... — Линь Можань стояла в оцепенении, не зная, что сказать. Хотя она понимала, что виновата, ведь она не приехала вовремя, но это была случайность. Гу Хань не должна была так злиться, это на неё не похоже.

— До выпускных экзаменов остался месяц, давай просто сосредоточимся на учебе. Я не злюсь, просто... не хочу, чтобы это влияло на подготовку, — Гу Хань замедлила шаг, но не остановилась. Каждый её шаг отдавался болью в сердце Линь Можань.

Единственным утешением для Линь Можань было то, что, произнося эти слова, Гу Хань не смотрела ей прямо в глаза — это не давало ей окончательно пасть духом.

Гу Хань было нелегко это сделать. Видя растерянное лицо Линь Можань, она едва не сорвалась, но, вспомнив свои недавние непонятные эмоциональные качели, решила, что лучше какое-то время побыть вдали друг от друга. С этой мыслью её лицо, на мгновение смягчившееся, снова стало твердым, как камень.

Сказав это, она не выдержала и, не оглядываясь, ушла, чтобы не видеть подавленного выражения лица Линь Можань.

Для Линь Можань эти два месяца были радостным периодом повышения уровня симпатии, но для Гу Хань они были наполнены не только счастьем, но и тревогой.

У Гу Хань никогда не было друзей. Появление Линь Можань было подобно приходу спасителя, окутанного радугой и спустившегося на семицветных облаках, чтобы согреть её ледяное сердце безбрежным океаном тепла.

Но чем дольше они общались, тем сильнее Гу Хань чувствовала, что это ощущение меняется. Это был не внезапный ливень, а постепенно нарастающий поток, который день за днем

прорывал плотину и вымывал до самого основания каждую песчинку на дне.

Для Гу Ханьи это было губительно. Она привыкла к тому, как Линь Можань смотрит на неё, когда она говорит. В тот момент в живых глазах Линь Можань отражалась только она: спокойная, холодная, слегка улыбающаяся или рассерженная от её подколов Гу Ханьи.

Гу Ханьи никогда не знала, что у неё может быть столько граней и выражений лица, но Линь Можань вытянула всё это из неё. Она считала Линь Можань наградой от небес. Говорят, если закрывается одна дверь, открывается окно, так вот, Линь Можань была её величайшей удачей, выстраданной за восемнадцать лет одиночества.

Но привыкая к хорошему, люди становятся жадными.

За те несколько часов, что Гу Ханьи прождала Линь Можань, она ощутила такой прилив эмоций, какого не испытывала за все свои восемнадцать лет.

Она ждала и чувствовала себя такой обиженной. Неизвестно откуда взялась эта обида, беспричинная и горькая.

Она ждала Линь Можань, полная надежд. Сегодня она специально надела синюю рубашку, купленную на деньги, заработанные подработкой, потому что Линь Можань говорила, что ей нравится этот цвет. Чтобы школьная форма не скрывала её, она принесла рубашку в рюкзаке, переоделась и стояла, выпрямившись, в ожидании, чтобы Линь Можань сразу её заметила и насладилась видом — как она это делала обычно. На лице Гу Ханьи играла мягкая улыбка, она совсем не была похожа на себя прежнюю, скорее на робкий цветок, готовый вот-вот распуститься.

Но Линь Можань не пришла.

Она не пришла.

Когда улыбка на лице Гу Ханьи уже начала застывать, Линь Можань все еще не было. Но Гу Ханьи успокаивала себя: может, она попала в пробку.

Когда тело, вытянутое по струнке, начало сводить судорогой, Линь Можань тоже не появилась. Но Гу Ханьи думала: может, что-то случилось.

Когда солнце стало палить нещадно, и от жары у Гу Ханьи начало темнеть в глазах, Линь Можань все еще не было. Пришлось признать: может, она не придет вовсе, но ничего страшного.

Однако стоило Гу Ханьи представить, что Линь Можань действительно не придет, как кислота — словно она съела десяток лимонов — разлилась по всему телу: в сердце, во рту, в носу, в

глазах. Сердце сжималось, будто его вырвали, бросили и пронзили иглами.

Когда потекли слезы, Гу Хань даже не поняла, почему это происходит. Ведь ничего страшного не случилось, у людей даже на работе бывают выходные, а Линь Можань просто один раз за два месяца не приехала — это же нормально, правда?

К тому же, Линь Можань вообще не обязана была её встречать.

Просто Линь Можань приучила её к этому, а привычки так трудно менять.

Там, где есть надежда, есть и разочарование, а долгое разочарование ведет к отчаянию. Но, возможно, эта надежда была лишь плодом её собственного воображения.

Когда Гу Хань осознала это, она поняла, что должна держаться подальше от Линь Можань.

Потому что это больно, обидно, и хочется плакать, а такие чувства не должны возникать у той, кого зовут Гу Хань.

Она вдруг осознала, что требует от Линь Можань слишком многого — настолько много, что сама пугалась этого гнета. Казалось, их отношения — это не просто дружба.

Это открытие повергло её в шок. Слезы мгновенно высохли. Если бы кто-то увидел её сейчас, он бы застал Гу Хань с ошеломленным выражением лица, будто её ударило молнией — вероятно, это была самая эмоциональная гримаса за все её восемнадцать лет!

Поэтому, когда Линь Можань все-таки появилась, Гу Хань была искренне рада. Ведь Линь Можань пришла. Как бы высоко ни поднялось солнце, сколько бы минут ни утекло — она пришла, несмотря на все её опасения и безнадежное ожидание.

Не каждый способен ждать кого-то, теряя всякую надежду. Это требует невероятной силы духа, а любовь должна быть глубокой, как океан.

Но и прийти — это тоже непросто. Нужно принять на себя все накопленное ею разочарование, взять на себя ответственность за счастье, которое в сто раз превысит эту боль, и решиться посвятить всю жизнь тому, чтобы искупить эту вину.

В тот миг Гу Хань очень хотелось броситься к Линь Можань и обнять её, но она внезапно испугалась. Она не знала, как теперь относиться к Линь Можань, не знала, что будет дальше. И поэтому она выбрала бегство.

Она хотела дать себе и Линь Можань время, чтобы хорошенько подумать, куда им идти дальше.

<http://bllate.org/book/20356/2035191>